

Памяти А. Ф. Гильфердинга.

(Къ двадцатицвѣтной годовщинѣ его смерти).

Двадцать шесть лѣтъ тому назадъ въ Олонецкомъ краѣ появился въ сколько необычный „генераль“, особенно неутомимо преслѣдовавшій мѣстныхъ пѣвцовъ былинъ, т. н. сказителей. Сохранился „неоцѣненный по своему простодушію“¹⁾ разсказъ о знакомствѣ съ винѣ одного изъ такихъ сказителей, Касьянова²⁾. Послѣдняго, не смотря на рабочую пору, какъ онъ самъ передаетъ, „пѣниудило желаніе видѣть такое важное лицо въ самыхъ глухихъ и венроходимыхъ мѣстахъ“. Это болѣе привело въ удивленіе и въ большой смѣхъ, что господа собираютъ былины: говорили между собой, что господамъ, должно быть, въ Петербургѣ болѣе лѣзть нечего“... Прибывь на мѣсто, разсказываетъ Касьяновъ: „погутру явилася и размышила такъ, что наши уѣздные господа становые приставы и разныя служащія лица весьма гордые, и думали, какъ явлюсь и къ генералу, береть страхъ и ужасъ. Затѣмъ, перекрестивъ глаза, и говорю: А что Господи дастъ! если чего и не знаю, да съ мужика, такъ думаетъ, и не взыщетъ“. Ободрило Касьянова знакомство съ „генеральскими“ камердинеромъ, „котрый собою очень привѣтливый и скромный... должно быть, хорошаго господина слуга: онъ всѣхъ учтиво принимаетъ“, замѣчаетъ Касьяновъ. „Самъ Александръ Федоровичъ, продолжаетъ Касьяновъ, принялъ меня очень ласково. Но я, видя такое важное лицо, стоялъ передъ нимъ съ дрожащимъ сердцемъ“. Эта робость вскорѣ проини; появился чай, и, когда выпилъ я, Касьяновъ, стакавъ чаю, то почувствовалъ духомъ, какъ будто стало и посмѣлѣ... А на другой денъ мѣш было очень весело, потому что познакомился съ господиномъ, и видѣ, что это онъ человѣкъ очень скромный, смиренный и ласковый, и размышили про себя: должно быть, господа—что чинъ выше, то и добрѣе“. За угощеніемъ слѣдовало сказываніе былинъ, подъ вечеръ прогулка нытвѣ, во время которой спутникъ Касьянова удѣляетъ вниманіе и мѣстнымъ условіямъ жизни. Между тѣмъ является еще одинъ сказитель и высуживаетъ

¹⁾ „Александръ Федоровичъ Гильфердингъ“ Бестужева Рюминна. Овѣнскіи былины, изд. второе, т. 1, стр. XX, прим.

²⁾ „Воспоминаніе крестьянина (Ивана Антоніевича Касьянова) объ А. Ф. Гильфердингѣ“. Р. Старлна 1872 г. № 12.

са новая былина; просматривается старая грамота и выслушивается объяснение, „что значить падина йесу и сколько занимаетъ мѣста“. Для характеристики отношений, установившихся между новыми знакомыми, не безынтересенъ еще слѣдующій эпизодъ, случившійся при ихъ прощальномъ чаепитіи. „Позвольте мнѣ поближе къ самовару,“ попросилъ Басъяновъ: таинъ мнѣ повыгоднѣе будеть: здѣсь стаканъ, два, а три и то много, а тамъ и пятое—такъ ничего“.

Едва ли послѣ всего этого нужно будеть прибавлять, что далеко не изъ-за щедраго только вознагражденія денежнаго Басъяновъ своего отѣзжающаго „генерала“ „проводилъ глазами, покуда было можно видѣть“.

Этотъ „генералъ“ былъ известный славистъ, видный общественный дѣятель, глубокий и самоотверженный этнографъ, своею жизнью заплатившій за тѣ пріобрѣтенія, которыя онъ сдѣлалъ для родной науки; это былъ А. Ф. Гильфердингъ.

Славиофильство воспитало въ немъ интересъ къ народности; обширная эрудиція сдѣлала изъ него народника—ученаго; занятія исторіей, останавливавшіяся особенно надъ явленіями внутренней жизни народовъ, давали ему историческую перспективу, необходимую для правильнаго отношенія къ современнымъ даннымъ народной жизни; ученая и дипломатическая практическая дѣятельность въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи была, можно сказать, провѣркой и завершеніемъ его теоретической подготовки; она раскрыла предъ Гильфердингомъ замѣчательное поле для изученія и, что весьма важно, самый вопросъ о народности представила во всемъ его, бьющемъ въ глаза, жизненномъ значеніи, чуждый какъ избѣгнѣнія подкрашиванія, такъ и такого же игнорированія. Разносторонняя не только ученая, но и общественная дѣятельность содѣствовала широтѣ взглядовъ Гильфердинга; сиѣость и глубина мысли; а также рѣдкая искренность и отчетливость ея, сообщали всѣмъ трудамъ Гильфердинга глубокий общий интересъ, интересъ широкихъ картинъ, мастерскихъ обобщеній, остроумныхъ соображеній, смѣыхъ догадокъ, который если и вѣ всегда оправдывался наукой, то зато всегда двигають ее дальше. Но всему этому прибавьте замѣтную въ самыхъ сухихъ изслѣдованіяхъ свѣжесть—отраженіе природной живости ума и характера Гильфердинга, и ту непринужденность, которая являлась слѣдствіемъ замѣчательной легкости, съ какою „давалась самая многосложная работа этому человѣку“.

Такого-то изслѣдователя счастливая случайность сдѣлала завершителемъ „собирательного“ периода въ истории русскаго былеваго энсона, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ трудахъ Гильфердинга, посвященномъ былинамъ, всѣ отличительныя качества этого изслѣдователя собрались какъ бы въ оптическомъ фокусѣ и проявились въ полномъ блескѣ.

А. Ф. Гильфердингу давно хотѣлось побѣжать на нашемъ сѣверѣ, сдѣлавшемся особенно интереснымъ послѣ открытия тамъ П. Н. Рыбниковымъ замѣчательныхъ сказителей. Бѣ простой любознательности здѣсь могло прихѣшиваться желаніе проповѣдѣть Рыбникова, такъ какъ сборникъ былинъ послѣднаго вызвалъ было сильное недовѣріе въ обществѣ. 1871 г. 30 июня Гильфердингъ началъ свое путешествіе по Олонецкому краю и

окончилъ его 27 августа. „Имѣя въ виду, что сборникъ Рыбникова былъ плодомъ многолѣтнаго пребыванія въ краѣ, я, говорить Гильфердингъ, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не разсчитывалъ внача-
ль на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ извѣстными сказителями. Между тѣмъ счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя¹⁾). Именно, первый же сказитель, на которого натолкнулся Гильфердингъ, оказался раскольникомъ, между тѣмъ какъ, по утвержденію Рыбникова, у раскольниковъ нельзѧ было найти никакихъ остатковъ народнаго впоса. Гильфердингъ совершенно основательно сталъ подозрѣвать (а потому вполнѣ убѣдился), что Рыбниковъ не могъ ничего найти у раскольниковъ по своему личному положенію, какъ членъ извѣстной губернскай администраціи, но что въ действительности былинъ поются и раскольниками. Гильфердингъ побывалъ въ самому центрѣ рас-
кольничьяго населенія и, благодаря своему такту въ обращеніи съ рас-
кольниками, встрѣтилъ у нихъ самый радушный пріемъ и значительно пополнилъ запасъ былинъ Рыбникова. Много помогло Гильфердингу и то,
что случайно онъ нашелъ себѣ спутника въ лицѣ крестьянина, имѣвшаго знакомыхъ во всѣхъ углахъ Заонежья. Благодаря ему, устранилось недовѣріе, съ которымъ онъ олончансъ обыкновенно смотрѣли на пріѣзжаго изъ Петербурга; тотъ же крестьянинъ, пока Гильфердингъ гдѣ-нибудь записы-
валъ былинъ, ходилъ, бывало, верстъ за 40—50 „доставать“ новыхъ сказителей. Потомъ молва о щедромъ собирателѣ старинныхъ пѣсенъ приво-
дила и такихъ, про которыхъ ни Гильфердингъ, ни его спутникъ и не знали. Материалу набиралась масса и случалось такъ, что инымъ скази-
телямъ приходилось ждать по два и по три дня, между тѣмъ какъ Гиль-
фердингъ записывалъ былинъ до полнаго физическаго утомленія. Въ ре-
зультатѣ, въ 48 дней было прослушано 70 пѣвцовъ и пѣвицъ, собраны и составлены ихъ біографіи, записано и пропѣрано 318 былинъ. Состави-
лась рукопись въ 1203 полулиста, писанная вся, отъ первой до послѣ-
дней страницы, рукой Гильфердинга²⁾.

На слѣдующій годъ Гильфердингъ снова отправился въ Олонецкій край и, „увлекаемый интересами науки, захотѣлъ пробыть вѣкоторое время между толпою простого народа, прислушаться къ его говору, услышать ста-
ринную пѣсню и т. п., а потому отправился до Вытегры на трешнотѣ. Нельзя утверждать положительно, но очень вѣроятно, что здѣсь-то онъ и заразился смертельной болѣзнью³⁾). 20-го іюня 1872 года онъ скончал-
ся въ Каргополѣ, откуда тѣло его было перевезено 4-го іюля въ Петер-
бургъ и похоронено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

— „Предъ нами, братья, жертва любви къ наукѣ и своему призыва-
нию, жертва ревности къ своему дѣлу“, было сказано при погребеніи

1) „Олонецкая губернія и ея народные рапсоды“. Онежскія быlinы, 2 изд.
стр. 10.

2) Предисловіе П. Гильдебрандта къ 1-му изд. Онежскихъ былинъ.

3) Письмо изъ Каргополя о болѣзни Гильфердинга. Р. Страница 1872 г. № 10.

Гильфердинга¹⁾. — „Это былъ служитель науки, знанія“ говорилось тамъ-же²⁾... „Но наука, которой служилъ почившій, имѣть для насъ особенное нравственно-жизненное значеніе. Она касается самого близкаго къ намъ вопроса,—вопроса о нацъ самихъ, о нашей родной странѣ съ ея автѣчными вѣрованіями и преданіями, о нашемъ народѣ и его средствѣ съ другими единоклъменными народами, о нашемъ внутреннемъ духовномъ складѣ, о нашемъ народномъ характерѣ“. Смерть Гильфердинга явилась одной изъ тѣхъ, которая не проходила незамѣтно для общества, и этнографическая дѣятельность послѣднихъ годовъ жизни Гильфердинга сыграла здѣсь не малую роль³⁾. Если на первыхъ порахъ эта дѣятельность могла представлять иѣсколько случайный интересъ (свѣжестъ событія, трагическая участъ собирателя, особое вниманіе къ бытовому творчеству и стремленіе къ народничеству), то съ послѣдовавшимъ вскорѣ появленіемъ въ печати собраниаго Гильфердингомъ материала⁴⁾ она должна была получить болѣе глубокое значеніе. Стало ясно тогда, какую массу труда и умѣнія приложилъ собиратель, какую массу нового, подчасъ едва уловимаго на первый взглядъ, сумѣмъ извлечь онъ оттуда, гдѣ уже была собрана обильная жата! Значеніе „Онежскихъ былинъ“ особенно замѣтно, когда мы обращаемся къ тому, что было до Гильфердинга и что, если такъ можно выразиться, Гильфердингъ завѣщалъ послѣдующимъ исколѣніямъ.

Уже въ дреcней письменности находимъ записи былинъ; но былины тогда рассматривались, какъ материалъ, конечно, не этнографический, а простой повѣствовательный, способный доставить иѣкоторое развлеченіе; потому-то и формой, въ самыи названіемъ они тяготѣли къ различнымъ сказаніямъ, повѣстямъ, словамъ—преобладающему тогда виду книжной словесности.

Отличны по формѣ, одинаковы по цѣлямъ издания былого матеріала въ XVIII вѣкѣ. Съ одной стороны, герои и героини нашего былого эпоса явились только для иѣкоторой націонализациі подчасъ совершение фантастическихъ происшествій; съ другой стороны, былины входили въ столь распространенные въ XVIII и началѣ XIX-го вв. пѣсеники, о характерѣ и назначеніи которыхъ можно судить по заглавию лучшаго изъ нихъ: „Новое и полное собраніе россійскихъ пѣсень, содержащее въ себѣ пѣсни Любовные, Пастушескіе, Шутливые, Простонародныя, Хоральные, Свадебные, Святочные, съ присовокупленіемъ Пѣсень изъ разныхъ Россійскихъ Оперь и Комедій“. Нельзя впрочемъ отрицать, что и въ XVIII в. уже пробивалось сознаніе, что памятники народнаго творчества существ-

¹⁾ Рѣчь ректора СПб. Дух. Семинарии, Хрисанфа. Р. Старика № 10 1872 г.
²⁾ Ibid.

³⁾ Кромѣ цитирована о ср. некрологи: въ Голосѣ, 1872 г. № 53, Бестужева Рюминца; въ Вѣстникѣ Европы, 1872 г. № 8; Биржевый Вѣдомостъ 1872 г. № 170; СПбѣрбургскія Вѣдомости 1872 г. №№ 168, 195; и др.

⁴⁾ „Онежскія, былины, записанные Александромъ Федоровичемъ Гильфердингомъ въ 1871 г.“ СПб. 1873.

вуютъ не для одного только удовольствія любителей пріятнаго и геселаго препровожденія времени, но развитіе это сказаніе еще не успѣло.

Къ тому же XVIII в. восходитъ загадочный сборникъ, именіемъ Кирши Данилова¹⁾. Среди прочихъ, современныхъ ему сборниковъ, онъ стоитъ особнякомъ, такъ какъ представляетьъ записи текстовъ, удовлетворяющія научнымъ требованиямъ до извѣстной степени, конечно, но мы должны помнить о трудности записыванія былинъ²⁾. Первый издаатель этого сборника, Якубовичъ, остался всецѣло на почвѣ XVIII в.; второй, извѣстный Калайдовичъ, очутился на перепутьѣ двухъ даргъ: онъ то разсматриваетъ издаваемый имъ сборникъ, чрезъ этнографической матеріалъ, имѣющій свой особый критерій, то предъявляетъ къ нему литературныя требования XVIII вѣка и серьезно упрекаетъ Киршу Данилова въ томъ, что тотъ „даже цѣлыми семью пѣсенами пустылъ по тому пути, на коемъ вноса вѣдомія прославился Барковъ“.

Первымъ этнографомъ-собирателемъ явился Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, съ изумительнымъ трудолюбіемъ и любовью къ дѣлу собиравшій, начиная съ тридцатыхъ годовъ, громадный матеріалъ, который, къ сожалѣнію, ему самому почти вовсе не удалось издать. За Кирѣевскимъ остается слава первой широкой постановки этнографическихъ разысканій, ближайший результатъ которой въ исторіи русского эпоса былъ тотъ, что во многихъ мѣстахъ, где позднѣе уже ничего нельзя было найти, были подобраны хотя послѣднія крохи разлагавшихъ и засыхающихъ былинъ. Кирѣевскій отчасти самъ записывалъ былины, отчасти для него это дѣлали другіе. Первое необходимо для практическаго ознакомленія съ изучаемымъ матеріаломъ въ его источникахъ; второе для съ его времени было важно потому, что распространяло интересъ къ этнографіи и прививало мѣстный этнографическій изслѣдованія. Въ этомъ второмъ отношеніи несомнѣнное значеніе принадлежитъ Сахарову, съ его шумѣвшими изданіями, а позднѣе И. И. Срезневскому, въ его трудахъ по второму отдѣленію Академіи Наукъ. Какъ издались, Сахаровъ не далеко ушелъ отъ XVIII в., да и Кирѣевскій былъ не безгрѣшенъ, потому что позволялъ себѣ составлять изъ многихъ варіантовъ одинъ общий текстъ, выбирай изъ каждого вѣнца тотъ стихъ, который казался ему наилучшимъ. Въ ту пору наука еще не дошла до бережнаго обращенія съ извѣдываемыми этнографическимъ матеріаломъ, и еще отзывалась та эпоха, когда изъ-за побужденій, имѣющихъ съ наукой мало общаго, допускались даже подлоги.

Мало интересовалась тогда и тѣми условіями, въ которыхъ находили эту матеріалъ, и съ большей охотой старалась разыскивать въ пам'ять отраженія идеалій доброго старого времени, чѣмъ винкнуть въ современную связь народнаго творчества и народнаго быта.

¹⁾ Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршию Даниловымъ. Москва 1818 г. (второе дополн. изд., первое—1804) Ср. П. Н. Шеффера, Замѣтку о сборнике Кирши Данилова, II т. 1 кн. Извѣстій Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ.

Издатель материаловъ, собранныхъ П. В. Кирбьевскимъ, П. А. Безсоновъ, задумалъ грандиозное дѣло: опираясь на собраніе Кирбьевскаго и гаіїсни и сказки, известныя по другимъ изданіямъ, онъ хотѣлъ дать народно-поэтическую исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ по XIX в. величительно. Предприятіе было доведено до конца... но уже при самомъ началѣ обнаружилась и несостоительность его. Былевой материалъ, известный дотолѣ, оказался лишь малою частью, да и то не лучшою, того, что хранилось еще въ народной памяти, и никакъ не укладывался въ тѣ рамки, въ которыхъ хотѣлъ втиснуть его г. Безсоновъ. Получилось громоздкое изданіе съ неособенно удачно систематизированнымъ материаломъ и замѣтками издателя, длинными до уточненія и рискованными до иенаучности.

Почти въ одно время съ „Іѣснами, собранными П. В. Кирбьевскимъ“ появились въ печати „Іѣсни, собранные П.Н. Рыбниковымъ“. Рыбникову выпало на долю раскрыть для науки богатѣйшія сокровища Олонецкаго края, этой Исландіи нашего былевого эпоса, но самая грандиозность материала подавила изслѣдователя, который явился не господиномъ его, а скорѣе рабомъ. Самая точность Рыбникова не безъ оттѣнка формализма: Рыбниковъ далъ тексты, безусловно точные по содержанію, но лишенные духа живого. Записи Рыбникова, если позволено будетъ прибѣгнуть къ аллегоріи, это сказочный мертвѣцъ, уже спрыснутый мертвой водой, но еще ожидающій живой воды. Рыбниковъ удержался отъ рискованныхъ обработокъ, допущенныхъ, напримѣръ, Кирбьевскимъ, — и въ этомъ его заслуга; но онъ не возвысился до той широты взгляда, которая позволяетъ устремлять взоръ въ сокровеннѣйшіе тайники изслѣдуемаго явленія и далѣе его; онъ не имѣлъ также навыка быстро схватывать и запечатлѣвать въ своихъ записяхъ тѣ едва уловимыя черточки, которыя онъ самъ же чувствовалъ и самъ же оцѣнилъ по достоинству, — это егъ недочетъ. Такъ у Рыбникова пропадаетъ стихъ, языкъ, этнографическое освѣщеніе былинъ; достаточно сказать, что свѣдѣнія о томъ, где и какъ были найдены былины, появилась лишь въ третьей части изданія, уже послѣ замѣчаній по этому по-воду критики, да и то въ далеко неполномъ видѣ. Нельзя поэтому особенно удивляться тому, что открытие Рыбникова было встрѣчено съ недо-вѣріемъ.

Но какъ бы тамъ ни было, сборникъ Рыбникова далъ массу нового материала, соѣралъ и некоторые свѣдѣнія о неожиданно найденной сокровищницѣ русского былевого эпоса и подготовилъ дѣятельность Гильфердинга. Выше было уже указано, какъ подъ вліяніемъ Рыбникова Гильфердингъ сдѣлался собирателемъ былинъ. Рыбниковъ же далъ Гильфердингу первоначальный свѣдѣнія о сказителяхъ; онъ же напѣтиль значение въ былинкахъ личности сказителей и значение записей по пѣтому, а не по сказываемому. Всѣиъ этиль замѣчательно воспользовался Гильфердингъ и мастерски развили въ цѣлую систему. Его записи, производившія вѣсъ пословесной передачи былинъ, какъ у Рыбникова, а по пѣтому, буквально передаютъ не только содержаніе, но и самый складъ былинъ, ея форму, духъ, языкъ. Это одна сторона дѣла; не менѣе важнымъ было тщательное освѣщеніе не только современного, но отчасти и былого положенія былинъ

въ краѣ, сдѣланное къ тому же въ фонѣ общей картины, о которой одинъ изъ авторитетныхъ нашихъ ученыхъ выразилъ слѣдующимъ образомъ: „Изслѣдователь понялъ свою задачу такъ широко и серьезно, какъ только можно было желать: специальная задача не закрыла отъ него вопроса о цѣломъ бытѣ видѣннаго имъ варода, и онъ относится къ этому народу съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ разумѣніемъ его тихихъ нуждъ, говорить о нихъ съ такой убѣдительностью и, иногда, такой смѣлостью, которая вызывали самое полное сочувствіе. Живое сближеніе съ народнымъ бытомъ возбуждало въ немъ такое чувство и такія мысли, которыхъ могли вполнѣ раздѣлить съ нимъ и люди, въ другихъ случаяхъ не раздѣлявшіе его мнѣнія⁴. ¹⁾

Вообще своими этнографическими разыскавіями Гильфердингъ далъ богатѣйшій матеріалъ для цѣлаго ряда разнообразныхъ вопросовъ, въ которыхъ большинство было имъ же найдено и отчасти разрѣшено. Такъ, Гильфердингомъ были раскрыты условія сохраненія въ вародѣ былевого эпоса и объяснено то, почему послѣдній удержался на Олонецкомъ краѣ тогда какъ давно уже замеръ въ другихъ мѣстахъ. Было подмѣчено также, какъ усвоиваются быльныи отдельными сказителями, какъ вымираютъ въ однихъ мѣстахъ Онежскаго края и живутъ полною жизнью въ другихъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, какъ понимать эту жизнь былинъ; во всякомъ случаѣ, Гильфердингомъ былъ поднятъ вопросъ первостепенной важности, и если бы добыты Гильфердингомъ современные и вѣкотѣріи историческія данныя о положеніи эпоса въ извѣстномъ районѣ систематически пополнились отъ времени до времени, то мы теперь имѣли бы весьма цѣнныи матеріалы для исторіи资料 нашего эпоса. Сюда надо прибавить вопросъ о сказителяхъ, Гильфердингомъ выясненный во всѣмъ значеніи; собранныи Рыбниковымъ и Гильфердингомъ свѣдѣнія о нихъ до сихъ поръ, за немногими случайными сообщеніями, являются единственными. А между тѣмъ, безъ такихъ данныхъ односторонними выйтуть рѣшенія общихъ вопросовъ, вродѣ вопроса о степени устойчивости нашего былевого эпоса,—о происхожденіи его различныхъ культурныхъ слоевъ,—о томъ на какомъ отношеніи къ нему находится простой народъ, является ли этотъ народъ творцомъ былинъ или только хранителемъ ихъ и, если вѣрно второе, то въ какой степени.

До Гильфердинга стихотворный размѣръ былинъ подлежалъ болыпому сомнѣнію; записи Гильфердинга не только устранили это сомнѣніе, но и раскрыли присутствіе даже не одного, а вѣсколькихъ размѣровъ, памѣченныхъ самимъ собирателемъ, впрочемъ, по устарѣлому методу. Точное сохраненіе стиха, между прочимъ, важно потому, что содѣйствуетъ лучшей выдержанности языка; а такъ какъ изъ пѣсни слова не выкинешь, то въ записяхъ даже XIX в. наряду съ современными особенностями мѣстныхъ говоровъ должны были сохраниться и древнія особенности, этамологическая и синтаксическая. Этотъ вопросъ также стоило бы сдѣлать предметомъ особаго изслѣдованія, и суди потому, что, напримѣръ, проф. Собо-

¹⁾ А. Н. Пынгинъ. Вѣстник Европы 1872 г. № 8 стр. 906.

левскій и проф. Владиміровъ уже отличали въ былинахъ остатки старыхъ формъ, старания не остались бы безплодными. ¹⁾.

Особаго вниманія заслуживаетъ у Гильфердинга расположение былинъ не по богатырямъ или сюжетамъ, а по сказителямъ. Это распределение имѣть прежде всего то частное значеніе, что оттѣняетъ личное влияніе сказителей и вводить исследователя въ кругъ своего рода литературныхъ школъ; но съ ними же связано и нечто большее, имѣющее громадное общее значеніе: своимъ распределеніемъ былинъ Гильфердингъ отрѣшился отъ господствовавшаго взгляда на былины, какъ на простодушныя преваліи старины глубокой, созданныя непосредственнымъ поэтическимъ воодушевленіемъ всего народа и свято передаваемыя отъ предковъ потомкамъ; Гильфердингъ стала на ту точку зрѣнія, что какова бы ни была первоначальная основа былины, въ своемъ настоящемъ видѣ эта былина является известнымъ литературнымъ произведеніемъ и какъ таковая прежде всего должна рассматриваться; въ пей мы должны отличать и слѣды известной пѣсенной школы, и индивидуальные черты ея пѣвцовъ, и литературная взаимодѣйствія и т. д. Такимъ образомъ, Гильфердингъ, какъ этнографъ-собиратель, сдѣлалъ то, что сдѣлалъ академикъ А. Н. Веселовскій въ роли истолкователя русского былевого эпоса.

При выходѣ въ свѣтъ „Онежскихъ Былинъ“ современная имъ критика отозвалась о новомъ изданіи, какъ о замѣчательномъ явленіи въ націй ученой литературѣ ²⁾). Но необходимо помнить, что самъ Гильфердингъ считалъ свое изданіе лишь подготовительнымъ. „Я первый, говорилъ онъ, готовъ признать, что окончательное полное изданіе нашихъ эпическихъ пѣсень точно такъ же, какъ необходимое въ литературѣ нашей очищенное изданіе избранныхъ былинъ, слѣдуетъ сдѣлать по предметамъ, съ систематическимъ подборомъ варіантовъ.“ ³⁾). Въ настоящее время „Онежскія Былины“ переиздаются Академіей Наукъ, засвидѣтельствовавшей, что данный „самый тщательно составленный сборникъ этихъ произведений народного творчества по праву является необходимымъ предметомъ изученія для всѣхъ лицъ, занимающихся исторіей русской словесности“. ⁴⁾ „Онежскія Былины“ переиздаются, за нѣкоторыми добавленіями, не измѣняющими, вирочемъ, характера изданій, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ изданы въ первый разъ; оказывается, слѣдовательно, что для окончательного полного изданія былинъ не наступило еще времени; или, быть можетъ, мы такъ богаты всякаго рода изданіями нашего былевого материала, что съ палеографической точностью воспроизвести наиболѣе достойные старые книги, или, наконецъ, Гильфердингъ ошибся, назвавъ свое

¹⁾ А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка, 2 изд. П. В. Владиміровъ. Введение въ Исторію Р. Словесности, стр. 193—195.

²⁾ См. рецензіи Л. Н. Майкова въ Ж. М. Н. Пр. 1873 г. № 8; Баталина въ Филолог. Запискахъ 1873 г. № 2; Колосова ibid. за 1874 и др.

³⁾ Олонецкая губернія и ея нар. рапсоды, стр. 33.

⁴⁾ Предисловіе ко второму изданію.

издание подготовительным? Но произошло же этнографических изданий мы не страдаем, а Гильфердинг не ошибся, так как избрал имъ систему незамыкания до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ объ отдельныхъ изданияхъ местныхъ собраній и пока на очереди стоятъ вопросы этнографического и филологического характера, но они недостаточна, когда мы углубляемся въ область историко-литературныхъ изслѣдований мотивовъ и багатырскихъ цикловъ. Идеальнымъ былъ бы такой ходъ изданий: сначала издаются отдельные собранія по плану Гильфердинга; затѣмъ дѣлается сводное издание по мотивамъ, съ тщательнымъ подборомъ вариантовъ былинныхъ и съ указаниемъ на сходные мотивы въ другихъ пѣсняхъ, сказкахъ и т. п., какъ въ отечественной словесности, такъ и иностранной; наконецъ, собирается все, что касается каждого отдельного эпического героя, начиная съ былинъ о немъ и кончая самимъ мною летнимъ упоминаниемъ, где бы то ни было. Издание г. Безсоновыхъ пѣсень, собранныхъ П. В. Кирьевскимъ, показало, что въ эпоху Гильфердинга такое сводное издание было слишкомъ преждевременнымъ, но не такимъ оно представляется теперь. „Онежскими Былинами“ закончился рядъ большихъ сборниковъ; послѣдующія записи лишь повторяли или, въ лучшемъ случаѣ, немного пополняли известное уже. Въ настоящее время все интересное (по своему содержанию) собрано; изданы также старинные записи былинъ, даже найдена рукопись Бирши Данилова. Конечно, кое-что будетъ еще не разъ находить, но если ждать, пока будетъ исчерпано рѣшительно все, то кто знаетъ, сколько десятковъ лѣтъ пройдетъ, пока, наконецъ, решится приступить къ тому, что безъ всякихъ ущербовъ можно было начать и раньше. Въ самомъ дѣлѣ, ведь если даже преждевременно приступить къ самому изданию сводному, то что мышаетъ классифицировать уже известный матеріалъ, составлять указатели и т. п.? Но мы остаемся съ таинственной рукописью Бирши Данилова, которая неизвестно когда появится въ печати, съ вышедшимъ изъ продажи сборникомъ Рыбникова, съ подготовительными переизданіями сборника Гильфердинга¹⁾ и наканунѣ переизданія „Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирьевскимъ“, быть можетъ, со всѣми ихъ неудобствами. Между тѣмъ и собраніе новыхъ матеріаловъ не особенно отвѣтствуетъ тѣмъ требованиямъ, какія можно прилагать послѣ Гильфердинга. И разумѣю здѣсь недостаточную точность въ передачѣ текста, и слабость этнографического освѣщенія собираемыхъ текстовъ, и случайность записей, а послѣднее является крупнымъ недостаткомъ для того времени, когда приходится заботиться, пожалуй, не столько о пополненіи содержания, сколько о томъ, чтобы успѣть побольше добыть свѣдѣній о положеніи въ народѣ хотя обломковъ зданія, бывшаго вѣницомъ народного творчества. Послѣ Гильфердинга началась работа болѣе мелкая, но она могла бы принести крупные результаты, если бы у насъ была цѣлая сѣть этнографическихъ поисковъ, направляемыхъ си-

¹⁾ Сборники Рыбникова и Гильфердинга такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что ихъ слѣдовало бы переиздавать не иначе, какъ вѣстѣ, распределѧя записи Рыбникова, какъ варианты записей Гильфердинга.

стематически и объединенныхъ одною общую задачею, однимъ общими планамиъ. 25-лѣтній юбилей одного изъ наиболѣе славныхъ этнографовъ нашихъ, невольно обращающій наше вниманіе на то, что до сихъ поръ сдѣлано имъ и другими, быль бы достойнымъ поминаемаго стимуломъ вступить на ту дорогу, о которой заповѣдалъ онъ самъ.

1) Хорошо было бы выработать программу для собирания въ варѣтѣ всего, что имѣть каковъ бы то ни было отношеніе къ былинамъ, и къ собранію его привлечь, по возможности, большии лица, преимущественно изъ извѣстныхъ жителей и знатоковъ края.

2) Начать систематизацію извѣстнаго уже матеріала, содѣйствуя перепечанію стараго, по возможности, въ наилучшемъ видѣ, устанавливая полноту или подложность текстовъ, составляя указатели, частные и общіе, вырабатывая примѣрные планы скончаго изданія былинъ и подбирая матеріалы, которые для этого изданія могутъ понадобиться.

Въ дѣятельности Гильфердинга есть еще одна сторона, на которой я позволю себѣ остановиться въ заключеніе. Отношеніе интелигенціи къ народу у насъ даже въ области науки подчасъ грѣшилъ или излишней офиціальностью или же другою крайностью—панибратствомъ. Послѣднее, со всѣми своими тяжелыми результатами, считалось почти неизбежнымъ при большемъ сближеніи съ народомъ; его, напримѣръ, придерживался извѣстный ученикъ Бирѣевскаго, Якушкинъ, который и пострадалъ отъ этого, что дало поводъ одному современному критику сдѣлать такое замѣчаніе: „Спонзъ его“ (Якушкина) не кто иной, какъ самъ народъ, въ безчисленныхъ кабакахъ Россійской имперіи, гдѣ онъ записывалъ пѣсни, которымъ трудно было выудить у русскаго человѣка безъ чарочки водки, но нельзя было также только поить, а вѣдь самому, становясь съ мужиками на равную ногу”¹⁾. Обращеніе Гильфердинга, какъ это, напримѣръ, видно изъ приведенного выше воспоминанія Касьянова, было чуждо обѣихъ крайностей и приводило даже едва ли не къ лучшимъ результатамъ, чѣмъ у Якушкина. Полныи сердечности и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго внутренняго достоинства, Гильфердингъ умѣлъ затрагивать въ человѣкѣ лучшія его чувства и сближаться на ихъ почвѣ; онъ такимъ образомъ не только имѣлъ счастье избѣжать участія въ своего рода потворствѣ слабостямъ простого люда, но и содѣйствовалъ облагораживанию его, выявленію своей личности, въ высшей степени изящной во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ²⁾). Тѣмъ больше довѣрія и симпатіи наукѣ, имѣющей возможность пользоваться только высокогуманными средствами, тѣмъ больше чести служителю ея.

А. М. Лобода.

¹⁾ Исторія новѣйшей русской литературы, А. М. Скабичевскаго, 1891 стр 243.

²⁾ Ср. Бестужева-Рюминъ въ Голосъ 1872 № 53.